

© 2013 г.

Евгений Балацкий

доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник ЦЭМИ РАН
заведующий кафедрой ГУУ
(e-mail: evbalatsky@inbox.ru)

НОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГЛОБАЛЬНОГО КАПИТАЛИЗМА

В статье рассматриваются некоторые новые проявления глобального капитализма, подмеченные С. Жижекком. Это цивилизационная пластичность, идеологическая нейтральность, эффект замещения глобального протеста локальными, протесты в форме спонтанного насилия, наличие третьего класса – зарплатной буржуазии, исчезновение демократии, новая идеология успеха. Обсуждается вопрос о смене капиталистической формации.

Ключевые слова: капитал, успех, богатство, эффект замещения, протесты, классы.

Феномен глобализации породил в научной и публицистической литературе волну работ, в которых переосмысливается капиталистическая система. Многие хорошо известные свойства капиталистической экономики стали выглядеть по-новому, некоторые тезисы и концепции реанимируются, некоторые – существенно корректируются. Одной из таких работ, в которых сделана очередная попытка переосмыслить современный капиталистический порядок, принадлежит словенскому философу и политологу С. Жижеку¹. Указанная книга является весьма примечательной. С одной стороны, в ней, наверное, нет ни одного тезиса и факта, которые не были ранее известны специалистам. С другой стороны, в ней множество оригинальных суждений, пассажей и интерпретаций, которые проясняют некоторые вопросы функционирования капиталистической системы. Кроме того, Жижек акцентирует внимание на тех вопросах, которые либо не нашли должного отражения в литературе, либо реанимируют хорошо забытые острые вопросы. Все это вместе взятое предопределило написание настоящей статьи².

¹ См.: *Жижек С.* Год невозможного. Искусство мечтать опасно. М.: Издательство «Европа», 2012.

² Автор выражает искреннюю благодарность Д.А. Авдиенко за то, что он обратил внимание автора на последнюю работу С. Жижека и тем самым инициировал написание данной статьи.

Теоретический каркас исследования. Препарируя современный капитализм, Жижек стоит на трех методологических китах – *философском, психологическом и социологическом*.

Первый связан с оперированием гегелевским учением и прежде всего его диалектикой, вскрывающей всевозможные переходы явлений одно в другое. Философия Г. Гегеля с ее акцентом на вскрытие противоречий, из которых соткана паутина социальной жизни, является той базой, которая позволяет понять сущностные свойства современной капиталистической системы.

Вторая опора Жижека представлена учением Ж. Лакана и прежде всего его схемой «Воображаемое – Символическое – Реальное». Разумеется, через Лакана просматривается связь с идеями З. Фрейда, Э. Фромма и других классиков психоанализа. Активное использование психологии позволяет расшифровать глубинные скрепы капитализма, которые ему не дают распасться.

И, наконец, в качестве третьего столпа анализа Жижека выступает социологическая концепция К. Маркса. Здесь следует напомнить, что еще Й. Шумпетер воспринимал Маркса в трех ипостасях – как пророка, экономиста и социолога¹. Как социолог Маркс проявляет себя прежде всего в своем учении о классах и классовой борьбе. Жижек заимствует основные схемы у Маркса и модифицирует их применительно к современности, что позволяет по-новому взглянуть на отношения между различными социальными группами в глобальном капитализме.

Как оказывается, перечисленных трех методологических оснований вполне достаточно для глубокого и оригинального анализа ликов и гримас современного капитализма. При этом большим достоинством текста Жижека является его относительная простота, равно как и прозрачность заложенных в нем идей.

Универсальный рыночный механизм. Жижек, следуя Гегелю, рассматривает в своей книге некоторые так называемые *конкретные универсальности* капитализма. Среди них первое место занимает вопрос о сущности капитализма. Здесь следует остановиться на следующих моментах.

Главным свойством капитализма является его поистине мистическая универсальность и эффективность.

Что заставляет постоянно развиваться капиталистическое общество? Ответ прост – *логика капитала*. Подлинная цель капиталистической системы состоит в самовоспроизводстве капитала путем его непрерывного кругообращения; главное в капитализме – приводящая сама себя в дви-

¹ См.: Шумпетер Й. Десять великих экономистов от Маркса до Кейнса. М.: Издательство Института Гайдара, 2011.

жение *циркуляция капитала*. Капитал должен возрасти путем получения с него процента (нормы прибыли) – в этом и состоит логика капитала. Данное требование обладает рядом свойств. Первое – *анонимность*, т.е. она не может быть связана с конкретным лицом, устранение которого привело бы к параличу логики капитала; главное требование капитала является безликим. Второе – *системность*, т.е. логика капитала является тотальной, пронизывая все элементы социальной системы; это требование не локализовано где-то в конкретном месте, где можно было бы его подавить, а встроено во все элементы социума. Третье – *абстрактность*, т.е. логика капитала выражается в самом общем виде и не предполагает никакой изначальной конкретизации, которая могла бы быть подвергнута критике; конкретизация возникает лишь при наложении абстрактного принципа на частные случаи обогащения (рис. 1). Четвертое – *объективность*, т.е. сама логика капитала не привнесена в систему кем-то конкретным, а объективно встроена в психику каждого человека на нейронном уровне; как только человек становится обладателем большого состояния, он сразу «слышит» призывный звон логики капитала.

Столкновение объективного движения капитала и субъективных интересов людей порождает все бесконечное разнообразие экономических событий в мире. Во многих случаях движение капитала выглядит бесчеловечным и даже абсурдным. Например, для мирового капитала страны, характеризующиеся разрухой, нищетой и экологическими проблемами, воспринимаются в качестве перспективных зон ведения бизнеса. Однако критике можно подвергнуть лишь конкретные действия держателя капитала, а не саму логику капитала (рис. 1).

В этой связи следует напомнить концепцию масштабируемости Н. Талеба, которая позволяет построить довольно элегантную теорию социальной эволюции¹. Однако в этой схеме в качестве кантовской «вещи в себе» присутствует так называемый *генератор событий*, который «подпитывает» систему новыми явлениями, процессами и событиями, придавая ей необходимые сложность и разнообразие. Этот генератор событий представляет собой своеобразный кибернетический «черный ящик», работа которого нам совершенно не понятна, а может быть, и вообще постижима для нас. Но за бортом рассмотрения Н. Талеба остался сакраментальный вопрос: что является источником работы этого пресловутого генератора событий? Ответ прост: круговорот капитала. Именно круговорот капитала и лежащая в его основе логика выступают в качестве неисчер-

¹ См.: Талеб Н.Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М.: КоЛибри, 2009; Балацкий Е.В. Концепция масштабирования социальных явлений Н.Талеба и ее приложение// «Общественные науки и современность», №4, 2010.

паемого горючего функционирования социальной системы. Как правильно отмечает С. Жижек, движение капитала стоит за всем прогрессом и всеми катастрофами в реальной жизни.

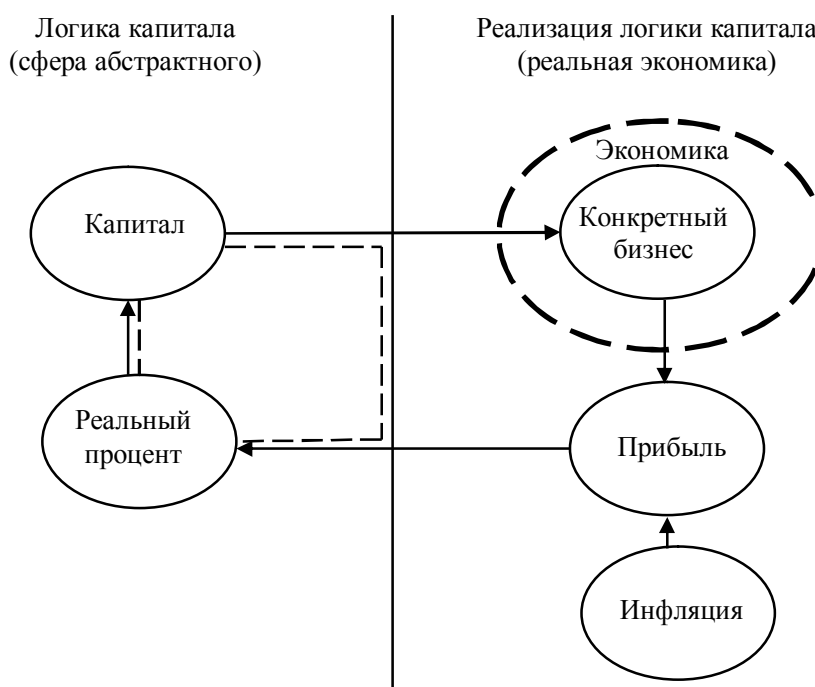

Рис.1. Логика капитала и ее реализация

Из сказанного автоматически вытекает, что капитал порождает насилие в отношении простых людей, которые вовлечены в орбиту его интересов. Причем это насилие также является анонимным, системным, абстрактным и объективным. А с таким насилием бороться очень трудно, если вообще возможно. Но коль скоро это так, то чем можно оправдать такую антигуманную систему?

Ответ Жижека абсолютно верен и безальтернативен: капитализм не имеет соперников в своей способности производить богатство. Можно даже добавить: капитализм – это единственный надежный способ производить богатство (социализм не продержался даже 100 лет по сравнению с капитализмом, возраст которого не меньше 500 лет). А богатство, как известно, основа жизни; высокая культура и великие цивилизации вырастали только в богатых сообществах. От большого общего богатства, в конечном счете, перепадает и бедным членам социума; эффективное производство порождает прогрессивные институты и социальный прогресс. Именно этим фактом и оправдывается существование капитализма.

Сказанное вскрывает колоссальную выживаемость капитализма. Однако это еще не все. Он обладает еще одним свойством – *отсутствием идеологии*. В этом его экзистенциальное преимущество. Отсутствие идеологии и каких-либо явных когнитивных координат порождает свойство поразительной приспособляемости капитализма к любым цивилизациям. Современный глобальный капитализм успешно внедрился в православные, католические и протестантские страны Запада, индуистские и буддистские страны Востока, иудейский Израиль, исламские государства Африки и Востока, атеистические режимы России, Китая и Вьетнама. Тем самым капитализм нейтрален ко всем религиям, духовным движениям и политическим режимам; он не несет никаких априорных идеологических установок в отношении того, кто и что должен делать и каким должен быть мир. Капитализм позволяет людям строить то общество, которое им нравится. Он может существовать в условиях демократии Европы и Северной Америки, в рамках фундаменталистских режимов Ирана и стран Северной Африки, диктаторских режимов государств Латинской Америки, авторитарного правления в Турции, государственного капитализма Китая и России.

Таким образом, глобальный капитализм – это просто-напросто глобальность рыночного механизма и рыночной логики капитала. Это, по точному выражению Жижека, истина без значения. И именно этот факт приводит к беспрецедентной *цивилизационной пластичности* капитализма. Без этого свойства понять успехи современного глобального капитализма нельзя.

Новый формат диалектики частного и общественного. Еще одно поразительное свойство капитализма состоит в том, что логика капитала почти сверхъестественным способом «склеивает» частные интересы индивидуумов и за счет этого обеспечивает достижение общественных интересов. Ортодоксальная традиция гласит, что не надо заботиться об общественных интересах, ибо мы их на самом деле не знаем и не понимаем; желая сделать лучше, мы легко можем сделать хуже; поэтому надо заботиться только о своих частных интересах – и все будет хорошо. Однако столь упрощенный взгляд на мир уже давно отвергнут, и на первых страницах курса экономики общественного сектора (public economics) вводится понятие частных и общественных благ, которые не сводимы друг к другу. Сегодня нужны более тонкие методы организации общества, чтобы общественные блага не были полностью растоптаны. К сожалению, сегодня диалектика между этими двумя категориями становится все более сложной, на что и обращает наше внимание Жижек.

Речь идет о том, что частные и общественные блага (пространства) могут переходить друг в друга и меняться местами, что окончательно за-

путывает людей. Жижек даже утверждает, что в некоторых случаях слова «публичное» и «частное» больше не имеют смысла. В качестве хрестоматийных примеров Жижек приводит два интересных случая. Первый произошел в Китае: пожилая женщина упала около автобуса и сломала бедро; все окружающие ее люди остались равнодушны к этому событию; один сердобольный молодой человек оказал помощь женщине, доставил ее в госпиталь и даже дал денег, дожидаясь ее родственников, которые впоследствии подали на него в суд за то, что это именно он сбил женщину; суд, принимая во внимание странное поведение молодого человека, признал его виновным и приговорил к огромному штрафу. Это типичный случай, когда человек, пекущийся об общественном благе, нарвался на неприятности. В данном случае считается, что молодой человек вторгся в частное пространство; общественное пространство в соответствии с современными стандартами должно покрываться камерами видеонаблюдения; благодетель не учел этого, за что и поплатился.

Другой пример связан с размещением человеком в интернете своих фотографий в обнаженном виде или текста с интимной информацией и непристойными мечтаниями. Такого рода действия уже не порицаются, т.к. считается, что в данном случае человек не вторгается в чужое частное пространство и не нарушает порядка в общественном пространстве, а лишь расширяет свое частное информационное пространство.

В первом случае мы наблюдаем превращение общественного пространства (улицы) в частное с оправданием дикого эгоизма, отрицающего помощь ближнему в экстремальной ситуации. Во втором случае мы видим инверсию частного информационного пространства в общественное с оправданием аморального поведения в форме эксгибиционизма. И в том, и в другом случае мы сталкиваемся с моральной деградацией человека и разрушением общечеловеческих ценностей.

Подобная диалектика частного и общественного является нормой в современном усложнившемся обществе. К этой же серии примеров относится парадокс Дж. Камфнера, в соответствии с которым *все большее число людей готово отказаться от общественных свобод в обмен на свободы индивидуальные*. Иными словами, если люди имеют возможность путешествовать, достойно зарабатывать, отправлять детей в хорошую школу, получать медицинские услуги, наслаждаться своей частной жизнью и пр., то они предпочитают не вмешиваться в общественное пространство и отказываться от свободы быть вовлеченными в политическую активность, отстаивать свободу слова, открытых политических дебатов и т.п.¹ Тем са-

¹ См.: Ростова Н. «Консюмеризм – анестетик для мозга». Почему в России не намного лучше, чем в Америке (http://slon.ru/books/john_kampfner-842628.xhtml).

мым частное пространство потребителя расширяется, тогда как, например, политическая жизнь воспринимается как частное дело профессиональных политиков. Тем самым политическое общественное пространство сжимается, превращаясь в совокупность частных пространств отдельных групп. Такие метаморфозы способствуют укоренению потребительской философии за счет принесения в жертву развитого общественного сознания.

Объективное усложнение в современном обществе диалектики частного и общественного ведет к росту индивидуального и группового эгоизма, равнодушия к чужим проблемам, жестокости в отстаивании своих интересов. Тем самым можно констатировать, что современный глобальный капитализм характеризуется повышенной жесткостью логики капитала.

Новые формы эксплуатации. Указанная жесткость логики капитала естественным образом ведет к более изощренным формам эксплуатации. Здесь Жижек пытается расширить классическое понятие «резервной армии труда». По его мнению, сюда должны быть отнесены все категории населения, которые как бы «выпали из истории». Это целые государства-неудачники (Конго, Сомали); жертвы голода и экологических катастроф; пострадавшие от этнических чисток и занятые ими; пострадавшие от террористических актов и войны с террором; хронически безработные; наркозависимые; студенты, лишенные шансов найти себе подходящую работу, и т.п. На всех этих людей современный капитализм как бы сбрасывает свои проблемы и за счет этого продолжает триумфальное шествие. Жижек настаивает, что эксплуатировать можно не только работающих членов общества, как это полагал Маркс, не только тех, кто «творит», но и тех, кто лишен работы и обречен «не творить». Как он справедливо замечает, сегодня сама возможность работать и быть тем самым эксплуатируемым воспринимается уже как привилегия. Война с наркотиками, по его мнению, представляет собой войну с отбросами общества, которые утратили способность выступать в качестве рабочей силы. Следовательно, подобная война с городскими низами – это цивилизованное устранение никчемной, «бракованной» рабочей силы. Все это – современные формы эксплуатации различных социальных групп.

В разряд условно новых форм эксплуатации у Жижека попадают еще два интересных механизма, которые он называет, но не поясняет. Речь идет о возврате от *прибыли* к *ренте* в форме эксплуатации, во-первых, природных ресурсов, во-вторых, «общего знания». Действительно, наличие частных добывающих компаний с ошеломляющими доходами представляет собой приватизацию общего (или общественного!) достояния; никакие налоги не могут изменить факт присвоения сверхдоходов от природных ресурсов небольшой группой дельцов. Здесь мы опять сталки-

ваемся с уже упоминавшейся диалектической метаморфозой по превращению общественного блага в частное благо. Еще более сложный процесс происходит при присвоении знаний. Так, начальное (школьное) образование является общественным благом и оплачивается государством (налогоплательщиком). Высшее образование, которое выступает непосредственной основой генерирования будущих новых знаний, частично оплачивается государством (например, во Франции, Италии, России), частично самими учащимися. В дальнейшем дипломированные специалисты осуществляют масштабные исследования и разработки, подавляющая часть которых опять-таки оплачивается государством. Впоследствии наиболее удачные «новые знания» рано или поздно присваиваются частными лицами и компаниями с последующим получением с них сверхприбылей. Тем самым фирмы-инноваторы присваивают общественные результаты в форме ноу-хау. Здесь также имеет место переход (иногда многократный) общественного блага в частное благо. Не удивительно, что такие формы эксплуатации социальной системы делают многие частные фирмы не просто конкурентоспособными, но и поистине сверхэффективными. Фактически они оплачивают не все расходы по производству нового знания, а только их небольшую часть в конце жизненного цикла; остальная часть издержек неявным образом оплачивается обществом.

Данные взгляды С. Жижека во многом созвучны позиции И. Валлерстайна, который утверждает, что накопление капитала в рамках мировой системы сопровождалось непрерывным ростом поляризации вознаграждения как между отдельными социальными группами, так и между территориями. Но так как поляризация протекала в рамках мирового пространства, то иногда казалось, что в некоторых его зонах поляризации вообще не было. На самом деле одни страны добивались преимущества за счет других стран, что сглаживало классовые противоречия внутри стран-лидеров. При этом география преимуществ часто менялась, тем самым скрывая реальность самой поляризации¹.

Уточненная теория классов. Вопрос об эксплуатации почти сразу актуализирует теорию классов, которая Жижеком со ссылками на предшественников существенно уточняется. Помимо класса *собственников* и *пролетариев* он вводит новый класс «*зарплатной буржуазии*», которая представляет собой функциональную часть буржуазии и занимается менеджментом за зарплату. Строго говоря, данная категория работников представляет собой подвид оплачиваемого работника, но при этом она присваивает себе прибавочную стоимость в форме «прибавочной зарпла-

¹ См.: Валлерстайн И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2008.

ты». Сущность последней состоит в том, что ее величина гораздо больше того вклада, который обеспечивает зарплатная буржуазия в процессе трудовой деятельности. Таким образом, зарплатная буржуазия представляет собой прослойку между двумя классами в том смысле, что как эксплуататор она принадлежит классу капиталистов, а по форме присвоения дохода – классу наемных работников (табл. 1).

Таблица 1

Матрица общественных классов

Тип доходов	Тип рыночного взаимодействия	
	эксплуатируемый	эксплуататор
Нетрудовой доход (доход с капитала)	–	Капиталисты
Трудовой доход (заработная плата)	Пролетариат	Зарплатная буржуазия

Механизм перераспределения богатства в пользу зарплатной буржуазии довольно прост. Повышенные заработки и всевозможные бонусы предоставляются наемным менеджерам за так называемую *высокую компетентность*. Для оправдания повышенных зарплат и для подтверждения высокой компетентности данные работники используют всевозможные аттестационные сертификаты и процедуры, которые могут сколько угодно сильно профанироваться, приводя к полному разрыву между истинной компетентностью и величиной заработка. Например, проведенные в США расследования показывают, что вознаграждения топ-менеджеров и банкиров обратно пропорциональны успешности компании. Однако в условиях современного капитализма это не только не страшно, но даже желательно. В этом суть нового способа эксплуатации. Этот эффект позволяет получать денежный излишек в двух формах – в форме большего объема денег и в форме меньшего объема работы.

В категорию зарплатной буржуазии попадают не только менеджеры, но и всякого рода эксперты, администраторы, госслужащие, врачи, юристы, журналисты, представители искусства и т.п. При этом *абсолютная величина* заработков этих категорий может быть невысокой, но это не означает, что данные люди выпали из класса зарплатной буржуазии. Важно другое – наличие «незаработанного» (нетрудового) довеса в зарплате.

Введение третьего класса приводит к принципиальному пересмотру марксистской теории классовой борьбы. С. Жижек, опираясь на схему Ж. Лакана, говорит о том, что традиционная формула двух классов «1+1» без третьей силы должна давать не «чистую» теорию классовой борьбы, а наоборот, классовый мир – два класса, дополняющие друг друга в гармо-

ничном Целом. Между тем правильной формулой является «1+1+а», где фигурирует некая социальная прослойка (а – зарплатная буржуазия) как дополнение к основным двум доминирующим классам. Данная прослойка играет двоякую роль. С одной стороны, она вуалирует чистоту классовой борьбы, с другой – она служит ее побуждающей силой, препятствуя классовому миру. Более того, обновленное видение классовой борьбы таково: именно потому, что всегда есть больше, чем два противоборствующих класса, существует классовая борьба.

Трехзвенная теория классов Жижека позволяет по-новому посмотреть на некоторые явления и системно объяснить те из них, которые плохо поддавались объяснению. Рассмотрим четыре наиболее интересных примера.

Первый из них связан с протестами и забастовками, которые идут по всему миру. На первый взгляд, они инициируются широкими народными массами – пролетариями. Однако Жижек совершенно верно подмечает, что это не так. Все протесты осуществляются той самой привилегированной зарплатной буржуазией, которая является третьей силой и вносит динамику в классовую диспозицию. Это не пролетарские протесты, а протесты зарплатной буржуазии против угрозы потерять свои привилегии и быть низведенными до пролетариев. Это не протесты низкооплачиваемых рабочих, например, легкой промышленности, а протесты полицейских, судебных приставов, учителей, работников общественного транспорта. В арабских странах революции на начальном этапе поддерживались студентами, которые были обеспокоены судьбой своих будущих сверхдоходов, полагающихся им за полученное образование. В России антиправительственные протесты 2012 года собирали пеструю толпу, состоящую из журналистов, политологов, правозащитников, музыкантов, телеведущих, бывших чиновников и политиков и т.п.; пролетарская часть электората, наоборот, выступала в поддержку В. Путина. Именно когорта зарплатной буржуазии вносит активность в политическую жизнь страны, что разительно контрастирует с протестами начала XX века.

Второй пример связан с историей развала СССР, который был инициирован именно зарплатной буржуазией в лице высокопоставленных чиновников, осознавших свое место в экономике и боровшихся за более высокие доходы; таковые могли быть ими получены только в условиях капитализма. Собственник в лице государства и рабочий класс не хотели и не санкционировали отказ от социализма. В современной России крупнейшим собственником по-прежнему остается государство, а самыми богатыми и влиятельными людьми стали высокопоставленные чиновники, которые и составили основу зарплатной буржуазии. Тем самым наиболее масштабная революция конца XX века была спровоцирована

именно классом зарплатной буржуазии – в строгом соответствии с теорией Жижека.

Третий пример связан с особенностями экономики Китая, где удалось построить капитализм без традиционной буржуазии (как класса собственников). В Китае основным собственником остается государство, тогда как вся остальная жизнь строится по рыночным канонам, которые позволяют коммунистическим лидерам узурпировать роль капиталистических менеджеров и составить пресловутый класс зарплатной буржуазии. Именно хорошее экономическое положение этого класса выступает в качестве основы стабильности китайского общества. Более того, как справедливо замечает Жижек, в отличие от России, где университетские профессора люмпенизированы до низовых слоев пролетариата, в Китае эта прослойка прекрасно обеспечена «прибавочными зарплатами». Такое умелое задабривание разных категорий зарплатной буржуазии является основой политического консенсуса в Китае.

Четвертый пример связан с особенностями оплаты макрофакторов в развитых странах Запада. Дело в том, что выполненные в свое время расчеты показали, что фактическая зарплата в США и Великобритании существенно выше ее равновесного значения, тогда как фактическая норма прибыли – наоборот, занижена¹. Строго говоря, такое положение дел уже не может трактоваться как традиционный капитализм. Одно из объяснений данного парадокса состоит в том, что капиталисты специально слишком щедро «делятся» с наемными работниками, чтобы те потом покупали их продукцию. Однако такое объяснение не может полностью объяснить выявленный феномен, тогда как трехзвенная теория классов позволяет это сделать элементарно. Дело в том, что факт эксплуатации наемными работниками собственников капитала сам по себе представляется довольно странным, однако если учесть, что в состав наемных работников входит класс зарплатной буржуазии, то ситуация проясняется. Чрезмерно высокая зарплата наемных работников детерминирована гипертрофированными доходами зарплатной буржуазии. При этом данный класс, как оказывается, эксплуатирует и собственников капитала, и пролетариат. Кроме того, строго в соответствии с теорией, зарплатная буржуазия, попадая в разряд наемных работников, еще к тому же вуалирует столь изощренные перераспределительные процессы.

Эффект замещения глобального протеста локальными. Наличие системного насилия со стороны логики капитала приводит к постоянным протестам, число которых огромно по всему миру. Однако все эти протесты

¹ См.: Балацкий Е.В. Неравновесные цены и гибкость экономических рынков// «Проблемы прогнозирования», № 6, 2006.

имеют вполне определенный общий рисунок. Главным их признаком является то, что они распались на множество частных эффектов, которые деформируют главный вектор реформ. Речь идет о том, что *глобальный протест* против капиталистической системы как таковой замещается *локальными протестами* против конкретных недостатков системы.

Сегодня разворачивается борьба против иммигрантов, евреев, мусульман, плохого правительства, жестокого диктатора, растут феминистские и антирасистские движения и т.п. Между тем совершенно очевидно, что за всеми этими пороками общества стоит логика капитала. Например, местное население приходит в ярость от приезжих малокультурных иммигрантов, против которых оно и обращает свой гнев. Однако сам приезд иммигрантов детерминируется выгодой работодателей от найма дешевой и бесправной рабочей силы, а также ужасными условиями жизни приезжих у себя на родине. Следовательно, вина лежит не на иммигрантах, а на капиталистах, использующих их труд. Аналогичным образом, дискриминация женщин или этнических групп, в конечном счете, порождается желанием работодателя заплатить им как можно меньше и за счет этого увеличить процент на вложенный капитал. Таким образом, данный *эффект замещения* глобального протеста локальными способствует сохранению капитализма, ибо система (целое) остается, а разрушаются лишь ее отдельные элементы (части). Следовательно, непрерывные локальные протесты становятся формой существования глобального капитализма.

Интересным проявлением эффекта замещения является то, что можно назвать *смещением проблемного дискурса*. Например, кризис 2008 года стал трактоваться не как кризис капитализма, а как моральный кризис. Ложность данного тезиса очевидна, ибо именно бесстрастная логика капитала лежит в основе нарушения всех нравственных норм. Тем не менее, в данном случае борьба с капитализмом успешно заменяется бессмысленным морализаторством и бессодержательными лозунгами — быть честными и справедливыми, бороться с жадностью и потребительством.

Помимо увода протестов в сторону эффект замещения одновременно приводит к *присвоению* капитализмом всех локальных достижений освободительной борьбы. Например, свержение диктаторского режима трактуется как победа либеральных рыночных ценностей; примерно также интерпретируется равенство прав женщин и этнических групп. Иными словами, капитализм даже свои поражения ухитряется записать себе в актив.

Учитывая многомерность социальной жизни, капитализм решает одни проблемы за счет создания других, в чем также проявляется эффект замещения. Так, свобода и демократия может быть получена с коррупцией в придачу. Можно искоренить коррупцию, но тогда будет утеряна со-

лидарность и справедливость и т.п. То есть перекрытие одного канала обогащения компенсируется открытием другого канала.

Тотальное действие эффекта замещения приводит к неэффективности практически всех видов антикапиталистического протеста. Главным же итогом всех протестов становится лишь смена хозяина. Смена же хозяина без изменения самой системы является априори бессмысленной. В данном пункте капитализм демонстрирует свою непоколебимость.

Протесты, насилие и технологии. Протестные настроения лежат в самой сущности капиталистического строя, а потому они, в конечном счете, все равно неистребимы. Однако, как замечает Жижек, практически все протестные движения современности демонстрируют признаки *истощения*. В связи с этим возникают два вопроса. Первый: каковы причины подобного истощения? Второй: в какой же форме будут проявляться протесты?

Ответы на оба вопроса, на наш взгляд, в значительной степени связаны с ролью новых технологий и всевозможных гаджетов.

Если говорить об источниках истощения протестного движения, то можно отметить два фактора. Первый связан с *бессмысленностью* самих протестов. Умение капитализма присваивать достижения протестов приводит к так называемому *отчуждению* участников протеста от самого протестного движения. Согласно Э. Фромму, феномен отчуждения ведет к потере *смысла* протестов, что, в свою очередь, порождает паралич *воли* и *творческих способностей* участников протеста¹. В результате общество заполняется равнодушными людьми, не способными к активным действиям.

Описанная тенденция усугубляется научно-техническим прогрессом. В этой связи стоит упомянуть исследование Дж. Крэтбри, который задался вопросом: делают ли прогресс и развитие технологий людей умнее и совершеннее? Оказалось, все ровно наоборот². Дело в том, что прогресс изменил человека на нейробиологическом уровне. Эволюция привела к тому, что мы быстрее реагируем на внешние раздражители, легче переносим стресс и общение с другими людьми, но при этом человек утратил способность оставаться сколько-нибудь долго сосредоточенным на работе. Кроме того, в условиях, когда информация доступна везде и всегда, люди разучились ее хорошо запоминать. Если раньше любая серьезная ошибка человека приводила к его гибели, то сегодня менеджер с Уолл-стрит, сделавший ошибку, зачастую получает за это щедрый бонус или неплохое выходное пособие. Таким образом, более комфортная жизнь привела к

¹ См.: Фромм Э. Здоровое общество. Догмат о Христе. М.: АСТ: Транзиткнига, 2005.

² См.: Мальцев В. Прогресс и Интернет делают нас глупее// «Expert Online», 27.11.2012 (<http://expert.ru/2012/11/27/progress-i-internet-delayut-nas-glupee/?n=66992>).

потере человеком *сосредоточенности* и *ответственности*. Утрата же данных качеств ведет к тому, что люди не могут долго сосредотачиваться на протестных акциях и быстро охлаждаются к ним. Данный факт сильно контрастирует с революционными процессами, имевшими место в начале XX века. Например, такие профессиональные революционеры, как В.И. Ленин и И.В. Сталин, могли десятилетиями методично управлять протестными настроениями, которые, в свою очередь, устойчиво сохранялись среди населения.

Дополнением к сказанному может служить наблюдение за современными пользователями интернета. Большинство людей уже не в состоянии прочесть полновесную статью в 40 тыс. знаков; читатели, как правило, ограничиваются просмотром новостей и текстов величиной в 3-4 абзаца. Что касается планшетов, то они вообще провоцируют пользователей на постоянное перелистывание контента, когда внимание скользит по мелькающим на экране страницам. Все это приводит к *интеллектуальной рассредоточенности*. Не удивительно, что такие люди теряют протестную активность. Разумеется, отдельные представители, способные на подобную деятельность, остаются, однако они лишаются систематической поддержки масс, чем, в конечном счете, и объясняется эффект истощения протестных движений.

Однако сказанное выше проясняет лишь первый вопрос и вовсе не означает, что протестов в современном мире будет становиться меньше. Наоборот, скорее всего, их число будет расти, и они будут иметь форму откровенного насилия. Какова же логика данного умозаключения?

Дело в том, что в соответствии с учением К.Г. Юнга, потеря смысла и паралич воли порождают *компенсаторные эффекты* в психике человека, связанные со стихийным проникновением в его сознание из глубин подсознания негативных и разрушительных коллективных архетипов; большинство из них обусловлены первобытными инстинктами, насилием и жестокостью¹. До некоторого момента эти деструктивные эмоции дремлют в человеке, однако в определенные периоды они способны вырываться наружу. Эта важная идея психоанализа получает дальнейшее развитие у Жижека. Следуя его логике, можно констатировать, что политическая рациональность и бесстрастность капиталистической системы порождает свой антипод – *бессмысленное насилие*. Фактически человек стоит перед бинарным выбором – либо принять существующие правила игры, либо осуществлять (само)разрушительное насилие, причем насилие без повестки, программы и идеологии. В этом случае насилие превраща-

¹ См.: Юнг К.Г. Синхрония: акаузальный объединяющий принцип. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010.

ется в единственную форму протеста в рациональном мире, протеста ради самого протеста. Насилие – это психологическая *разрядка*, обладающая *самоценностью*. Цель подобного бунта становится чисто экзистенциальной – субъективное высказывание об объективных условиях жизни. Можно сказать, что спонтанное насилие – это признак системного бессилия человека.

Таким образом, протесты в глобальном капитализме будут продолжаться, но утратят какую-либо осмысленность и последовательность. Это будут *спонтанные* и чрезвычайно *жесткие* вспышки насилия. Сегодня имеется множество фактов, подтверждающих этот тезис: многочисленные расстрелы школьников в США, случай А. Брейвика в Норвегии, убийства полицейских во Франции и т.п.

Фактором, который усиливает описанную тенденцию к насилию, выступают современные технологии. Для пояснения этого тезиса Жижек оговаривает разницу между такими понятиями, как удовольствие и наслаждение. Наслаждение – это избыток удовольствия. И как любой избыток, наслаждение смертельно опасно, разрушительно. Современные гаджеты обладают способностью притягивать либидо человека обещанием избыточного удовольствия, тогда как на самом деле производят его нехватку. Это происходит из-за того, что технологии усиливают то, что уже есть. Если в человеке изначально есть безумные образы и идеи, то они усиливаются. Если в человеке ничего нет, то усиливается пустота и чувство пустоты. Если в технологии представлен частичный объект, то она гипертрофирует его и возводит в абсолют. Все это порождает рост *дистанции* между человеком и реальным объектом, реальным миром, что, в свою очередь, ведет к синдрому отчуждения и, в конечном счете, вспышкам грубого насилия.

Подобная диалектика протестов и насилия генерирует еще один интересный пассаж. Системное и анонимное насилие капитала сверху в отношении обездоленных низов порождает реакцию толпы в форме спонтанного и бессмысленного насилия, которое, быть может, даже хуже любого насилия сверху. Отсюда один шаг к выводу, что кровавая революция, приводящая к банальной смене власти, хуже репрессий со стороны власти. Но тогда как бороться против капитализма? На этот вопрос Жижек дает весьма сомнительный ответ: бороться с системой можно, только прекратив работать на систему. Более того, классическим примером такого подхода оказывается В.И. Ленин, который во время Первой мировой войны, не испытывая никакого «патриотизма» и не беспокоясь о судьбе своих соотечественников, продолжал работать над свержением старого строя.

Если резюмировать сказанное, то получается «конец истории» Ф. Фукуямы: капитализм является наиболее совершенной формой экономи-

ческого бытия; все попытки восстать против него приведут лишь к ухудшению ситуации.

Капитализм и демократия. Хотя серьезной альтернативы капитализму не просматривается, само наличие многочисленных протестов в форме насилия представляет реальную опасность для строя. Судя по всему, степень личной свободы в капиталистическом обществе достигла своего апогея и грозит переродиться в общественный хаос. Такой ход событий предполагает построение более жестких общественных институтов. Похоже, что уже сейчас мы наблюдаем рождение нового тренда, когда традиционный союз капитализма и демократии начинает распадаться.

Сегодня есть примеры новой модели капитализма, т.е. капитализма без демократии. Например, авторитарный режим в Турции, добившейся больших экономических успехов, и государственный капитализм Китая, ставшего на несколько десятилетий воплощением экономического чуда, показывают, что капитализм может существовать без традиционной демократии и даже без рафинированного либерализма.

Расшифровывая логику нарождающегося тренда, Жижек совершенно справедливо отмечает, что демократия основана на правлении закона. В этом смысле демократия работает только в определенных границах и среди людей, которые ощущают свою принадлежность к одной нации. «Глобальное сообщество» по определению не может быть национальной демократией, а национальная демократия не может рассчитывать на лояльность глобальных корпораций с миллиардными прибылями, сотрудниками по всему миру и штаб-квартирами в налоговых гаванях. Таким образом, налицо очевидное противоречие между глобальным капитализмом и национальной демократией.

В свое время яростным критиком демократии был М. Каддафи. Как он справедливо отмечал, демократия предполагает два феномена – народ и кресла (власть). Власть помимо народа есть представительство или опекунов, являющееся обманом, к которому прибегают правители для того, чтобы кресла не принадлежали народу¹. Такими креслами в современном мире выступают парламенты, с помощью которых власть монополизирована отдельными кланами, партиями и классами, а народ отстранен от участия в политике. Более того, Каддафи поднимается до философского осмысления демократии, говоря, что партия выступает в качестве современного диктаторского орудия правления, поскольку власть партии – это власть части над целым. Наличие правящей партии означает, что сторонникам одной точки зрения дозволено править всем народом. Хотя сам Каддафи никакой серьезной альтернативы не смог предложить, его кри-

¹ См.: *Муаммар Аль-Каддафи*. Зеленая книга. М.: Концептуал, 2012.

тика демократии вполне убедительна. Например, всем хорошо известен афоризм, согласно которому вопросы научной истины голосованием не решаются. Как правило, при обсуждении чего-то нового большая часть людей склонна ошибаться, но тогда демократия в науке способна приводить к насилию глупцов (ошибающегося большинства) над умными (правым меньшинством). А если в науке принцип демократии не работает, то почему он должен работать в политике?

Продолжая подобные сомнения, Д. Дзоло идет еще дальше. Согласно его представлениям, современное общество характеризуется колоссальным усложнением и сосуществованием в нем различных функциональных подсистем – науки, экономики, политики, религии, семьи и т.п. При этом каждая подсистема в силу своего разрастания и развития стремится стать самостоятельной социальной целостностью. В этой ситуации задача демократического режима состоит в том, чтобы защитить *социальное многообразие* от преобладания какой-либо конкретной подсистемы – производственной, научно-технической, религиозной, профсоюзной и т.д.¹ В противном случае демократия перерастет в деспотию доминирующей социальной группы (подсистемы). Таким образом, в современном мире само понятие демократии принципиально трансформируется и становится во многом бессмысленным. До сих пор считалось, что демократия обеспечивала некий приемлемый баланс между политической защитой и социальной сложностью (многообразием), безопасностью и личной свободой, управлением и личными правами. Любые заметные сдвиги в этих бинарных связках ведут к превращению демократии в олигархию.

Усложнение социума и рост социальных рисков приводит к росту разнообразных конфликтов и нарушению демократического равновесия. В такой ситуации авторитарные режимы оказываются вполне естественным и разумным выходом из создавшегося положения. Порой именно авторитарное правление удерживает систему от распада, именно оно позволяет сбалансировать интересы разных социальных групп. Яркий пример тому – Сингапур, который добился высочайшей технологической эффективности, широкого использования информационных инструментов, всеобщего процветания, высокого уровня занятости и т.п.; и все это на фоне отсутствия политической идеологии и публичных дискуссий. Иными словами, в рамках капиталистической системы происходит постепенное замещение демократических политических режимов эффективным авторитарным управлением.

¹ См.: Дзоло Д. Демократия и сложность: реалистический подход. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшая школа экономики, 2010.

Психологические амортизаторы капитализма. Из сказанного выше вытекает, что «победить» капитализм нет почти никаких шансов; более того, скоро и сам капитализм станет более жестким. Как же тогда можно смириться с этим несправедливым строем?

Как оказывается, социальные мыслители современности проделали большую работу, чтобы построить логику успеха и неудачи в современном мире, которая бы сняла психологическое напряжение из-за чувства собственной неполноценности у представителей социальных «низов», которым не удалось пополнить ряды современной буржуазии. Социальной основой капитализма является разделение общества на богатых и бедных, даже с учетом относительности этих понятий. Богатство является признаком успеха, бедность – признаком неудачи. Большая часть людей по определению попадает в разряд бедных, а следовательно, неудачников. Возникает вопрос: как жить всем этим людям с постоянным ощущением своей социальной убогости?

Сегодня в популярной и даже в научной литературе есть две линии в обсуждении этой проблемы. Первая линия связана с постоянным прославлением богатых людей и «научным» анализом причин их успеха, вторая направлена на развенчивание мифа о выдающихся личных качествах этих субъектов. В современном мире наиболее важной и интересной является именно вторая линия, позволяющая понять, что в основе разделения людей на два класса лежит *случай*. А поэтому не может быть никакого преклонения перед успешными людьми, так же как не может быть и никакого самоуничтожения бедных людей. Социальная функция подобных теорий состоит в том, чтобы сделать отношения превосходства *неунизительными* для нижестоящих. Тем самым в недрах капитализма создаются теории, оправдывающие не только существование «праздного» класса, но и полноценность социальных низов.

В основе подобных оправданий лежит концепция Ж.-П. Дюпюи, которая сводится к четырем тезисам. Первый: навязанный порядок социальных ролей находится в вопиющем противоречии с *внутренней ценностью* индивидов; следовательно, социальный статус человека не зависит от его истинной ценности. Второй: социальный статус человека зависит не от его заслуг, а от объективных социальных процессов, от общей *социальной диспозиции*. Третий: положение человека на социальной лестнице определяется *случайностью*, т.е. зависит от природной и социальной лотереи. Четвертое: превосходство и подчиненность зависят от *сложности* рыночных процессов, т.е. «невидимая рука» рынка обладает собственной логикой, не зависящей от способностей и усилий конкретных индивидов.

Все эти механизмы не оспаривают и не отрицают социальную иерархию как таковую, а делают ее приемлемой и терпимой. Отыскание не-

опровержимых логических оснований, отрицающих непосредственную связь между успехом и заслугами человека, является важнейшим фактором успокаивания бедных социальных групп. Осознание людьми своей индивидуальной и социальной полноценности, независимо от социального положения, во многом снимает психологическое напряжение в обществе и блокирует протестное движение.

Наверное, в настоящее время главным идеологом проблемы сопряжения успеха, случайности и личных заслуг человека является Н. Талеб. Причем характерно, что его концепция случайности появилась относительно недавно, что говорит о длительном вызревании самой вероятностной философии социального успеха. Пересматривая роль случайности в жизни человека, Талеб доказывает, что большинство успешных дельцов – удачливые дураки¹. Например, обследование более тысячи миллионеров показало, что большинство из них в детстве не демонстрировало никаких особых способностей. Это означает, что причина успеха заключается либо в их трудолюбии, либо в случайной удаче. Талеб эту дилемму решает просто: *тихий успех* – результат способностей и труда; *дикий успех* – результат отклонений, т.е. чрезвычайной удачливости в форме реализовавшейся чистой случайности из-за принятия человеком громадных и неосознанных рисков. По его мнению, если бы мы смоделировали множество жизней успешных людей, то увидели бы, что на длинной временной траектории *везучий дурак* медленно скатывался бы к состоянию *невезучего идиота*. Это так же справедливо, как то, что человек, выигравший огромную сумму в лотерею, проживи он еще хоть тысячу лет, второй раз уже так не выиграл бы.

Из сказанного почти автоматически вытекает полное разрушение ореола многих великих людей. Например, как замечает Талеб, мы знаем, что Ганнибал, Наполеон и Гитлер в своих стремлениях были безумцами, тогда как Александр Македонский, Гай Юлий Цезарь и Чингисхан считаются величайшими историческими деятелями. Однако последние отличаются от первых только тем, что они не проиграли, а выиграли сражения при столь же безумных амбициях. И в основе их побед, как правило, лежит не качество военных стратегий, а редкостная удача. Такая позиция позволяет Талебу заменить известную американскую поговорку «Если ты такой умный, то почему ты такой бедный?» на другую, более справедливую: «Если ты такой богатый, то почему ты такой глупый?».

Случайность порождает так называемую *ошибку выживаемости*, когда в конкуренции побеждают не лучшие, а худшие индивиды. Однако

¹ См.: Талеб Н. Одураченные случайностью. Скрытая роль шанса в бизнесе и жизни. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2011.

здесь скрывается типичное передергивание причинно-следственных связей: мы полагаем, что лучшие становятся богатыми, тогда как на самом деле мы богатых считаем лучшими. Рынок капитала дает классический пример тому: по мнению Талеба, самые богатые трейдеры – это худшие трейдеры. Здесь мы сталкиваемся, может быть, с главным противоречием между биологическими и социальными системами. В результате биологической эволюции побеждают наиболее сильные и приспособленные особи, т.е. лучшие; в ходе социальной эволюции успеха довольно часто достигают примитивные и неприспособленные индивиды, т.е. худшие. Как же объяснить такое вопиющее противоречие? Ответ кроется в пересмотре фактора случайности: приспособляемость в смысле Ч. Дарвина применима к видам, развивающимся в течение очень долгого времени, а не на конкретном коротком интервале; на долгосрочной траектории время устраняет многие случайные эффекты. Тем самым биологическая эволюция имеет дело со средними характеристиками, говоря о приспособленности вида в среднем, а не конкретного животного в любой момент времени. Следовательно, в краткосрочной перспективе человек может быть успешным, а в долгосрочной – нет. Но мы наблюдаем именно краткосрочные эффекты и делаем на этой основе далеко идущие некорректные обобщения.

Однако данных объяснений, строго говоря, не хватает для понимания природы социального успеха. Дело в том, что для социальных систем характерна гораздо большая *волатильность* параметров, чем для биологических (биологические параметры животных одного вида не могут слишком сильно различаться, тогда как социальные способны различаться в тысячи раз, как например, доходы). Это приводит к тому, что роль благоприятного случая в социуме становится чрезвычайно значимой и может сильно возвысить неприспособленного индивида над более сильными субъектами. Полученное преимущество может быть столь значительно, что будет «держаться» на протяжении всей жизни человека и стимулировать его к умножению своих «успешных» генов. При этом следует учесть, что время человеческой жизни представляет собой короткий временной отрезок, на котором проявляются лишь краткосрочные (случайные) эффекты. В долгосрочной перспективе такое положение дел может вести к деградации социума, к падению его жизнеспособности.

Если сказанное приложить к российской действительности, то получится примерно следующая картина. При падении СССР произошла перестановка людей на социальной лестнице. Причем успех определялся по хорошо известной формуле: надо было оказаться в нужное время в нужном месте. Многие в результате благоприятного стечения обстоятельств получили большие состояния и высокие посты. На поверхности они вы-

глядят как выдающиеся люди, хотя даже невооруженным глазом видно, что это не так. Уже сегодня почти всем ясно, что с сегодняшней деловой и властной элитой Россия является чрезвычайно уязвимой к любым случайным негативным шокам – вряд ли российские верхи смогут «вытянуть» страну из возникшей ловушки отсталости. Тем самым хорошо видно противоречие между краткосрочным эффектом (личный успех конкретных индивидов) и долгосрочными последствиями (выживание нации и страны) произошедших социальных перестановок.

Если резюмировать и формализовать схему Н. Талеба, то ее можно представить в виде чрезвычайно простой линейной модели:

$$U = \alpha x + \beta y + \gamma z, \quad (1)$$

где U – масштаб личного успеха человека; x – величина природного таланта индивида; y – величина трудового вклада субъекта (трудоспособность и трудолюбие); z – бинарная переменная, определяющая наличие (1) или отсутствие (0) некоего благоприятного случайного события; α , β и γ – параметры модели.

Если предположить, что величина параметра γ намного превосходит величину параметров α и β ($\gamma \gg \alpha$, $\gamma \gg \beta$), то компонент $(\alpha x + \beta y)$ определяет «тихий» успех человека, тогда как компонент γz ответствен за «дикий» успех. При этом переменной z человек не управляет и, строго говоря, она от него не зависит: если человеку повезет и он окажется в нужное время в нужном месте, то $z=1$ и будет иметь место гигантский успех; в противном случае положение человека будет зависеть только от его собственных талантов и усилий ($z=0$). Можно предположить, что z может принимать значение -1 . Тогда реализация такого исхода будет соответствовать наступлению для индивида некоего катастрофического события.

Подобная теория успеха формирует более трезвый взгляд на данный феномен, развеивая фимиам личных заслуг многих удачливых людей. При этом параллельно она ликвидирует чувство неполноценности у тех, кто не смог в капиталистической системе добиться больших результатов. Это делает жизнь обычных людей если и не благополучной, то, по крайней мере, сносной; психологическое напряжение хотя бы частично нейтрализуется.

Есть ли альтернатива капитализму? В заключение нельзя не отметить своеобразного пафоса книги Жижека. С одной стороны, автор, будучи коммунистом, симпатизирует различным освободительным движениям и недвусмысленно утверждает, что капитализм идет по пути саморазрушения. Фактически нынешний строй приближает наступление апокалипсиса. Что же можно предложить в подобной ситуации?

Жижек дает опять-таки весьма сомнительный совет: «всматривайтесь в знаки грядущего апокалипсиса». Пристально всматриваться надо потому, что очень легко ошибиться, поддавшись паническим настроениям, характерным для современного общества. Можно принять за начало конца просто что-то новое и вполне прогрессивное. Поэтому не следует поддаваться деструктивным эмоциям – надо стараться распознать новое и прогрессивное и отличить его от знаков грядущей катастрофы. Никакой программы активных действий Жижек не предлагает и в этом неявно звучит признание им капитализма в качестве безальтернативной экономической формации.

К сказанному можно добавить, что капитализм действительно является уникальной системой. Логика капитала почти мистическим образом «собирает» всех индивидуумов в единую систему и не дает ей распасться; она обеспечивает, наверное, самый эффективный способ производства богатства; она задает вектор развития общества в направлении развития эффективных технологий и институтов. До тех пор, пока довольно большая часть людей будет принимать эгоистическую логику капитала, до тех пор и капитализм не будет иметь альтернативы. Новая форма общественно-экономической формации может возникнуть только тогда, когда ментальность большинства людей изменится настолько, что будет отторгать логику капитала как таковую. Тем самым вопрос о построении Нового Общества становится производным от вопроса построения Нового Человека.
